Немая дата. О чем не было сказано в юбилей революции

Алексей Фирсов, руководитель Центра социального проектирования «Платформа», для actualcomment.ru.

Юбилей революции мог быть использован для достаточно важной дискуссии внутри страны и для решения некоторых внешних репутационных задач. Но это все требовало бы серьезных интеллектуальных и организационных усилий, а исход не просчитывался с высокой вероятностью, поэтому решили не рисковать. Тактически АП можно поздравить с решением проблемы: юбилей удалось вытеснить на периферию, закрыть вторичным уровнем полемики – по поводу той же «Матильды» или захоронения тела Ленина. Однако эта победа – одновременно и упущенная возможность изменить ситуацию в довольно пустом смысловом пространстве.

Алексей Фирсов

Какие сюжеты остались за скобками? В первую очередь, юбилей давал повод для анализа колоссальных социальных дисбалансов, которые существуют в современной России и которые на другой платформе явились катализатором цепочки революционных событий 100 лет назад. Негативное или, как минимум, подозрительное отношение к частной собственности, распространенная в обществе уверенность в тотальной коррумпированности аппарата, отсутствие перспективы – все эти факторы имеют эффект накопления, и пока нет стратегии по снижению отрицательного

потенциала. Можно было бы использовать момент для достаточно прямого разговора с элитами: если мы хотим сбалансировать ситуацию, надо существенно менять процессы и принципы распределения благ, отказываться от демонстративного потребления, формировать элиту по принципу образца поведения (а не обладания ресурсами). Причем, этот разговор можно было бы естественным образом перевести в избирательную повестку 2018 года, выведя ее на качественно новый уровень.

Второе. Возможность рассмотреть саму революцию с позиций текущего момента. Понять ее причины и степень неизбежности. Сделать разбор, почему система в тот период не выдержала, какие предохранительные клапаны не сработали. Преодолеть восприятие революции как некоего заговора – то ли немцев, то ли евреев, то ли каких-то политических аутсайдеров. Если мы не научимся понимать механизмы таких явлений, то рискуем оказаться неготовыми к возможным социальным катаклизмам, как не были к ним готовы в 1991 году. Или как драматически оказалась не готова к ним украинская элита 4 года назад.

Третье. Событие могло бы стать поводом разобраться в смысловой проекции современной России на два исторических отрезка: дореволюционной и советской России. Кто мы сейчас – продолжатели романовской эпохи, наследники СССР или некое уже третье звено? Вопрос не совсем теоретический. В каждом отрезке есть свои особенности, которые так или иначе формируют характер отношений к соседям, внутреннюю политику, управленческие технологии, уровень амбиций и прочее.

Четвертое. Можно было бы упаковать разговор о революции в экспортную оболочку. Несколько сместить тематики сегодняшнего восприятия России в сторону ее исторической судьбы. Причем, здесь возможны несколько редакций – применительно к КНР, западному блоку, другим странам. В конечно счете, послать скрытый сигнал: уже не привыкать, что мир может содрогнуться от вихревых энергий, которые может рождать Россия. Давайте же искать совместно способы, которые позволят сделать мир более предсказуемым.

Наконец, это был способ для анализа перспектив левого движения – как в России, так и на глобальном уровне. Понять его возможные трансформации в 21 веке. Россия по своим базовым ценностям остается страной левого спектра, однако левых пока рисуют (и они себя сами тоже так изображают) в парадигме индустриальной культуры 20 века. А вот каким может быть этот фланг в новой экономике и социальной реальности будущего?

Ни один из этих вопросов не был поднят. Не было найдено даже языка, на котором их можно обсуждать. Основными ньюсмейкерами по теме революции стали Наталья Поклонская, Рамзан Кадыров, давно утративший контакт с реальностью Геннадий Зюганов и несколько неглубоких фильмов. Можно представить себе диалоги, которые шли по этому поводу. «Надо будет давать оценку революции, а мы не можем этого делать, потому что у нас слишком разный электорат». «Нас спросят про собственность чиновников, про зарплаты госменеджеров». «Как мы выкрутимся из темы крупного капитала?». Благодаря ветхости нынешней системной оппозиции эту черту удалось проскочить без потерь. Но замороженные вопросы не исчезают.